

Первый полевой сезон

С поселком Хандыга я был знаком заочно, моя Лариса окончила Хандыгскую среднюю школу в 1970 году. Поселок увидел 17 июня 1976 года, когда я приехал на учебную геологическую практику, а Лариса в гости к старшей сестре. На скоростном судне «Ракета» плыли ровно 12 часов, но для меня время пролетело незаметно. Было что сравнить, ведь я родился на Лене - матушке. Все было в новинку, удивления и восхищения Алдан – батюшкой не было предела. Река покорила меня огромными волнами на участке впадения в реку Лена, быстрым течением на узких участках, чистой водой и особенно каменистыми косами, берегами и островами, где рос смешанный лес. Ведь на островах реки Лена растет в основном тальник, косы и берега песчаные. Как студент - геолог с нетерпением ожидал всемирно известную «Мамонтовую гору». Честно признаться, был разочарован, по геологическим меркам «гора» представляла небольшую, высотой до 80 метров надпойменную террасу, сложенную неоген-палеогеновыми отложениями, без выхода скальных коренных пород. Рядом стоявший незнакомец пояснил, что здесь проходит граница между Таттинским и Томпонским районами. Меня удивило отсутствие, каких либо знаков о границе и о всемирно известном заповедном объекте природы. Про себя отметил узкий проход русла реки, с правой стороны прижатый песчаным мысом, а с левой стороны крутой высокий берег. И как сержант погранвойск выразился вслух, что разместив на вершине «Мамонтовой горы» заслон в составе гранатометчика, пулеметчика, снайпера и пару автоматчиков, можно перекрыть реку Алдан так, что «мышь» не проскочит. На что собеседник поинтересовался, откуда познания в геологии и в военном деле. Мне пришлось рассказать о себе, а он рассказал о районе, о селах, о Хандыге и о шахтерском поселке Джебарики - Хая расположенных на берегу реки. Незаметно за беседой прибыли в Хандыгу. Мы с Ларисой пересели на лодку и уехали в село Новый, где её старшая сестра Филиппова Октябрина Иннокентьевна много лет работала заведующей в детском саде. Утром со свояком Геннадием Борисовичем Филипповым, начальником ДЭС подъезжая на моторке, увидел Хандыгу, расположенную вдоль берега реки Алдан. Я посетил АЮГРЭ узнать, как добраться до полигона «Кюрбелях», что в 230 км по Магаданской трассе. До обеда прогулялся по поселку. Хандыга понравилась компактностью, прямыми улицами с твердым гравийным покрытием, даже бетонным по улице Ф.М. Охлопкова. Деревянные тротуары с подступившими к ним деревьями и кустарниками, в июне месяце были без сажи. К вечеру на попутной машине доехал до Теплого Ключа, чтобы поймать попутку на выезде с аэропорта устроился на опилках под площадкой пилорамы. Мне не повезло, в горах шли дожди, и пришлось трое суток ночевать «бичевать» на опилках.

Когда кончились домашние харчи и деньги, начал подрабатывать в столовой, колол дрова и разделывал туши оленей. Сердобольные работницы столовой кормили меня как на убой. До сих пор помню прямо с печи вкус пышных булочных изделий и настоящий наваристый украинский борщ. На третьи сутки возле столовой встретил своего попутчика с теплохода в мундире прокурора. Увидев мой удивленный взгляд, он сам подошел и представился прокурором района. Расспросив про мои дела, повел в столовую покушать. Когда расставались, несмотря на мои возражения, силой сунул в мой нагрудный карман банкноту стоимостью 25 рублей. По тем временам большие деньги, авиабилет Хандыга – Якутск тогда стоил 22 рубля. По праву, первым знакомым при пересечении границы и спонсором в Томпонском районе считаю прокурора района Холмогорова Константина Иннокентьевича впоследствии известного и заслуженного юриста РС (Я) и РФ. Пока Бог миловал общаться с прокурорами в качестве обвиняемого, чтобы не сглазить стучу по деревяшке. Ночью, на третьи сутки остановил машину ГАЗ-53, которая ехала в село автодорожников Росомаха. Усмехнувшись, водитель сказал: - «если не боишься, полезай в кузов». Причину усмешки я понял, когда увидел гроб в кузове, но я готов был ехать хоть с самим чертом, так как опаздывал на практику. Наверное, с чертом было бы веселее, хоть и сказочным, но живым существом, чем с моим «попутчиком». Когда заехали в горы, я залюбовался панорамой – в распадках ближе к вершинам лежал белый снег, сами вершины гор устремились вверх и четко выделялись на фоне голубого неба весь усыпанный звездами. И, как бывает только в горах, неожиданно набежали тучи, и полил дождь как из ведра. Моментально промокнув насквозь, я сильно замерз, хотя был в военной плащ-палатке, подаренной мне старшим братом офицером КГБ. При очередной тряске слабо забитая крышка гроба отлетела, и гроб оказался пустым. После недолгих раздумий я достал из рюкзака сухую одежду быстро переоделся и лег в гроб. Уверяю, в сухой одежде и в сухом гробу, приятно пахнущем свежей древесиной, я испытал пик блаженства, такой какой не испытаю когда положат в гроб обтянутый бархатом. Мне с гробом повезло, он был просторный и я убаюканный монотонным стуком дождя незаметно уснул. Проснулся от громких возгласов, а последнее изречение «а студент трусоватый оказался, сиганул с кузова» даже оскорбило меня. Здесь я отвязал шнур, которым обхватил крышку и туго привязал к своему поясу, чтоб не открывалась при встряске и, открыв крышку гроба, отозвался «никуда не сигал, в гробу я». Мужики поднялись в кузов и, увидев, как я выхожу из гроба, подняли такой хохот, которому вторило громкое эхо в горах. Боюсь, то место, 130 километр магаданской трассы до сих пор обходят дикие звери. В этом месте спустились к реке Восточная Хандыга, познакомились, поели, выпили за упокой души покойного, за здоровье «воскресшего студента» и поехали уже вдвоем в кабине. В Росомахе разгрузили гроб, позавтракали и дядя Саша, так звали

водителя, сам вызвался отвезти меня на полигон находящийся в 60 км. После приезда на полигон, на следующий день меня и Афоню Кондратьева вызвал начальник полигона Коростелев Виктор Иванович. Доцент, кандидат геолого – минералогических наук, впоследствии доктор наук Виктор Иванович до университета работал в АЮГРЭ. У нас были справки деканата, согласно которой я опоздал на один день, а Афоня приехавший ночью после меня, опоздал на два дня. Он как трубач ансамбля университета участвовал в конкурсе в г. Хабаровске. На наши объяснения насчет отсутствия транспорта Виктор Иванович коротко изрек: «у геолога уважительной причиной может быть только смерть» на что я ответил «а я уже был в гробу» и рассказал про свою поездку. Посмеявшись, он предложил «раз такой бывалый, отслужил сержантом в погранвойсках, успел жениться и побывать в гробу, согласен ли работать радиометристом в Элхугинской поисково - съемочной геологической партии АЮГРЭ со сдачей курсовой работы осенью». Я согласился с радостью, для меня отчисление было смерти подобно и надо было кормить свою молодую семью. Когда спросил Афоня как быть ему, в августе у ансамбля был запланирован очередной конкурс. На это доцент сказал веско «выбирай – музыка или геология, если музыка будешь отчислен с университета, если геология иди с Шадриным и труби в свою трубу во всё Верхоянье». Перед отправкой он накормил обедом, угостил болгарским вином и хариусом, дал много дельных советов, вручил конверт для начальника партии. А по поводу нашей производственной практики он сообщит по рации моему зятю, декану ИТФ ЯГУ Реворию Мироновичу Скрябину, который передаст нашим родителям и пожелал успешного поля и возвращения. Когда я узнал, что машина дальше поедет за продуктами в Хандыгу попросил водителя позвонить жене, сказать – «вернусь поздно после полевого сезона». Я ещё не знал, что такая фраза будет привычной в моей жизни геолога. Также попросил водителя купить на прокурорские 25 рублей теплую одежду на двоих, армейские сигареты «прима» и сгущенки. Учебная практика была рассчитана до августа, а нам предстояло работать до конца сентября. В те годы пачка примы стоило 14 копеек и 66 копеек банка сгущенки. С водителем договорились, на месте где мы сойдем, он на обратном пути повесит посылку. Случилось так, что наш отряд на второй день на семи лошадях ушел в заход проводить геологические работы на территории междуречья Нюкуння и Менкюле до конца сезона. Кто работал в горах, знает неписанные законы - «в горах не стонать, не подводить, вовремя подставлять плечо товарищу». Водитель исполнил мою просьбу в точности, посылку упакованную, со сдачей и запиской успешного поля я забрал выйдя с захода в конце сентября. В те годы понятия, как совесть, взаимовыручка были нормой, как ночь сменяется днем. Тому свидетельствуют поступки моих новых знакомых прокурора К.И. Холмогорова, работников столовой, водителя Саши, доцента В.И. Коростелева и водителя полигона. 22 июня 1976 года на 219

километре магаданской трассы нас в избушке забойного пункта домашних оленей с ружьем 12 калибра встретил Саша Кухтин. Он все время встревоженно оглядывался, на вопрос почему, пояснил, к забойному пункту повадился огромный медведь. Когда стали переплываться на резиновой лодке, Саша замешкался с веслами, и сильное течение стало сносить нас к завалам. Я успел отстранить его, благополучно проскочить мимо завала и пристать к берегу. Так впервые я переправился на лодке через бурную горную реку. К базе партии шли более километра, так далеко течение горной реки снесло резиновую лодку. По пути познакомились с Сашей, уроженцем г. Ленинабада со Средней Азии, тут без пояснений стало понятно его неумение управлять лодкой. С того дня и по сей день дружим семьями, вместе работали в составе трех полевых партий, ежегодно жили в одной палатке, в полевых условиях делили тяжесть и радость геологической жизни. В Хандыге с нетерпением по полгода ждали наши жены и сыновья. Лиля с Сашей, Сергеем и моя Лора с Владиком, Максимом. Так работая в полевых геологических партиях, вдали от родных не заметили, как подросли наши сыновья.

Первый сезон выдался дождливым, тяжелым, отрабатывали пешком не хоженую огромную территорию. Рельеф междуречья Ньюкуння и Менкюле сложен скальными обнажениями с вершинами высотой до двух тысяч метров от уровня моря и притоки рек представлены узкими с многочисленными каньонами и водопадами, где не могли пройти лошади. Природа долины рек очень красивая, встречаются целые плантации полевых цветов, богата живностью. В верховьях реки Ньюкуння расположены два озера, где впервые я ловил красную рыбу – мальму. В самих реках и ее притоках водились хариусы, ленок. Много было диких оленей, сохатых, снежных баранов, рыси, росомах и особенно медведей. При первых встречах с ними я чувствовал себя не уютно, мне казалось, они нападут именно сзади и потому голова постоянно была повернута назад. Но, человек привыкает ко всему, и к тому же геолог Володя Свиринов дал мне свой табельный револьвер. Со слабым зрением добродушный и мягкий по характеру Володя не мог стрелять в живое существо. Ровесник моего отца револьвер 1927 года был с отличным боем и хорошо пристрелянный, думаю, с него немало замочили фашистов. В те годы в целях самозащиты от хищников, в том числе от двуногих хищников «черных» копателей золота. На весь сезон выдавали две обоймы, 14 патронов, из них на пристрелку полагалось три патрона, остальные на защиту жизни личного состава. Осенью при сдаче оружия составлялись акты на списания патронов. По отчетам получалось, что территория полевых работ вся кишела медведями. Геологи люди с большим юмором и фантазией строчили целые романы забавных и трагикомических эпизодов встречи с медведем. В советское время ежегодно выдавались лицензии на котловое питание, на отстрел лося или дикого оленя геологам и другим, чей труд проходил в полевых условиях вдали от населенных пунктов.

Свежее мясо остро необходимо в тяжелых физических работах. Наш поисково – съемочный отряд в составе 14 человек, при переходах все свое тащили на себе. На арендованных в совхозе семи лошадях грузили снаряжение, продукты и отобранные пробы всего отряда. Часть лошадей была необъезженной, часть доходягами. Сельчан можно понять, какой хозяин даст хороших лошадей, тем более не все лошади возвращались с гор. Задирали хищники, срывались со скал, тонули в горных реках, да и корм в горах был скудный. В тот сезон мы и сами голодали. В труднодоступные районы продукты на полевой сезон забрасывали вертолетами, строили лабазы, куда закладывали продукты на две – три недели. Летом отряды отрабатывали территорию, следуя от лабаза к лабазу. Наш отряд Элхугинской партии работал в том заходе в составе: - начальника партии Пушкарь Николай Николаевича, старшего геолога Краснопольского Валерия Сергеевича, инженер - геологов Волоховой Ольги Николаевны и Свирина Владимира Сергеевича, техник - геологов Саши Кухтина, Вадима Кочнева. Промывальщиками работали молдованин Ваня Величко и похожий на цыгана Петухов Михаил. Дядя Миша был истинный колымчанин, прибыл на север в конце двадцатых годов с первой экспедицией Билибина Юрия Александровича для освоения Колымы. Петухов личность неординарная, с колоритной черной бородой до пояса, очень начитанный, мог наизусть читать поэмы Ю. Лермонтова. Человек бывалый и повидавший все, относился к северянам и специалистам уважительно и в то же время снисходительно, пренебрежительно к приезжим с материка. На вопрос почему, отвечал коротко «мотыльки, рвачи». Он был суровым и таинственным. Сколько лет отсидел в местах не столь отдаленных, история замалчивает и когда я однажды спросил его сколько? Он ответил: - больше чем ты прожил, а мне исполнилось тогда 23 года. Из рабочих пожалуй, он был самый опытный и надежный, виртуозно владел лотком. Этому важному навыку нашей профессии научил меня. В лоток для проверки он засыпал несколько мелких дробинки и перестал учить, когда я не стал упускать дробинку. При поиске полезных ископаемых древним способом лотком от мастерства промывальщика зависит выявление золотоносности или других проявлений полезных ископаемых в ручьях, в распадках, облегчает поиск рудопроявлений. И поэтому кондовые промывальщики всегда были востребованы, пользовались большим уважением. Дальстроянцами, первыми покорителями золотоносной Колымы термин кондовый применялся относительно бывалым полевицам и означал высшее мастерство, в том числе в искусстве выживания, будь он геолог поисковик, промывальщик или каюр. Сейчас я осознаю, колымчанин Петухов Михаил незримо и не навязчиво опекал меня, научил взаимоотношению с рабочими, премудростям таежной жизни. Дядя Миша нравился своей независимостью, достойным поведением и громким басом напоминал моего деда. Маршрутными радиометристами работали студенты Вера Шишкина, Афоня Кондратьев, я и рабочий Павел Устинович с

Беларуссии. Молодежь партии, студенты имели кликухи. Я служил в погранвойсках и потому дали кликуху «погранец», Вадиму Кочневу и Афоне Кондратьеву сам Бог велел, без комментариев «кочка» и «трубач». Под игру трубача Афони мы вставали по утрам, если проспим виноватым был он, до того приучил вместо будильника. Афоня трубу брал в маршруты, покорив очередную горную вершину, трубил во все Верхоянье, было слышно другим маршрутным парам. Каюрами работали «лихие», Петро Федоренко «косой» с одним глазом и Валера Крестьянинов «колхозник». Как видите все кроме ИТР, имели кликухи и не обижались. Та же Верочка Шишкина, имела бы фамилию Золотарева, была бы «золотка», а не «шишка», как говорится, что дано, то дано. Каюры уважали наш маршрутный спарок. Уроженец Татарстана Валерий Сергеевич имел за плечами большой опыт работы в полевых партиях и я, потомок ямщика, умели обращаться с лошадьми и охотно помогали им. К тому же в партии мы имели больше навыков охотников и рыбаков и когда надо было добывали мясо и рыбу. Когда геологи уходили в маршруты, каюры готовили пищу, и они нас встречали лучшими кусками мяса, свежими малосольными хариусами и напитками из ягод. С Вадимом Кочневым мы постоянно играли в шахматы. В дождливые дни многие играли на интерес в карты, проигравшие готовили пищу, дрова и работали по хозяйству. Было весело и по-домашнему уютно. Самым приятным было, когда вечерами всем отрядом собирались возле костра, делились впечатлениями и результатами прошедшего дня, вели беседы, слушали байки и случаи из жизни. Было интересно, ведь собеседники были со всех уголков страны и с разными судьбами. И конечно послушать, и петь песни под гитару. Ваня и Вадим хорошо играли на гитаре, им вторил начинающий Саша Кухтин. Здесь звездой был дядя Миша, который под настроение редко пел своим густым басом задушевные русские и цыганские романсы. Зачарованные его пением, иногда подхватывали мы, как он говорил суконно - шершавыми голосами. День перехода для каюров был днем аншлага разговорного жанра. Начало обуздания лошадей начинался с нежного выговора клички и ласковым поглаживанием лошадей, потом по мере неподчинения мустангов переходил к выговору святого слова «мать» вокруг которой начинали летать глаголы. В воздухе неудержимо набирая темп, начинал витать смачный русский мат, виртуозный с упоминанием имен 12 святых апостолов и других существ и что характерно больше всех доставалось их прекрасной половине. Если растительность имела бы способность высыхать от стыда, то вся территория, где проходил наш караван, представлял бы лунный ландшафт. В этот день представители прекрасной половины в маршруты уходили рано и приходили поздно, пока не успокоятся возбужденные каюры по двум причинам. Первая ёжу понятно, целый день мат матом погоняет. Вторая - женщина и в поле женщина, и по этой причине гардероб у них неизмеримо большой, что у «лихих» вызывало бурю эмоций. Но и это не все. Целый ураган

эмоций вызывали два сильно помятых оцинкованных тазика, которые выглядели в горах не уместно. Они были не удобны при креплении к выюкам и при этом гремели и пугали наших диких мустангов. Каюры по звуку тазика определяли хозяйку, и возмущение шло уже адресно. В такие моменты жалко становилось всех женщин – геологов самых сильных по духу и стойких прекрасных половин человечества. В дни перегона я с Михаилом Петуховым сопровождал караван, выбирали место стоянки и разбивали очередной лагерь отряда. Признаюсь, в первом полевом сезоне мои знания богатого русского языка сполна пополнились мощным багажом витиеватого русского народного разговорного жанра. Мне очень повезло ходить в маршруты с корефеем геологии Валерием Сергеевичем Краснопольским кондовым полевиком геологом. Он был спортсменом, физически сильным, ходил быстро и неумолимо, между собой мы его называли «сохатым», был начитанным. В отряде самым драгоценным грузом для всех нас были книги и большая стопка журналов, которые хранились в специальных деревянных выючных ящиках. Валерий Сергеевич сочинял стихи, интеллигент по воспитанию, порой до детской наивности, и в то же время заядлый охотник, ловко и быстро разделявал тушу добытого зверя. Не отставать в маршруте мне помогала закалка, полученная в погранвойсках. Надо заметить, пограничные наряды на границе были схожи с геологическими маршрутами, там также вдвоем в спарке, как в дозоре проходишь многокилометровый маршрут, внимательно осматриваешь и изучаешь местность на предмет признаков нарушения госграницы и вместо геологического молотка автомат Калашникова с тремя магазинами и пара гранат. Ответственность и физическая нагрузка такая же. Благодаря деду и отцу, научившим с детства премудростям добывать мясо и рыбу, я был Валерию Сергеевичу напарником и где-то на рыбалке даже преуспевал. При сборах на практику отец сунул мне в рюкзак две сети и рыболовные снасти, которые оченьгодились. Краснопольский В.С. научил меня в полевых условиях как грамотно вести геологический маршрут, азам первичной полевой геологии, разбираться в геологической ситуации созданной миллионы лет назад, в отложениях осадочных пород и рудных тел, как вести геологическую документацию. Научил безопасности при подъеме на гору и переходу горных речек, ориентироваться по звездам, премудростям полевой жизни, быть коммуникабельным в коллективе, стойким к трудностям в экстремальных условиях. Со своей стороны, я учил его разговорному якутскому языку, переводил якутские названия ручьев, речек и высоких вершин, написанных на топографических картах на русском алфавите. К примеру - река Куранах. На якутском языке имеет два смысла – сухой и пустой. Сухой - в засушливое время вода уходит под камни. Пустой - в отношении геологии, нет проявлений. В общей сложности я с Валерием Сергеевичем работал в полевых партиях семь лет. Работая в Мурской поисково – съемочной

партии, он бессменный старший геолог партии и я начальник спецотряда, любили иногда вместе ходить, проводить рекогносцировочные маршруты, по пути поохотиться или порыбачить. Как он говорил вспомнить годы первых маршрутов своего ученика, и в этих маршрутах мы с теплотой вспоминали своих друзей, забавные случаи первого моего полевого сезона. Валерий Сергеевич наставник первых моих маршрутов, грамотный геолог поисковик - съемщик и прекрасный человек в лихие 90-е годы вынужден был выехать с женой Шурой, детьми Златой и Кириллом в г. Казань, чтобы сохранить квартиру родителей. Впервые в моей жизни мой день рождения в полевой партии отмечали мною застреленным из нагана тарбаганом. Тарбаган очень жирный горный сурок чуть меньше зайца. К гарниру собрали в траве макароны под лабазом разграбленным медведем. По случаю моего дня рождения начальник партии Пушкарь достал неприкосновенный запас спирта, устроили концерт, а Валерий Сергеевич подарил редкий, сейчас бы сказали, эксклюзивный подарок. Сняв с себя, он повесил на мою шею амулет, закаменевшую миллион лет назад фауну хорошей сохранности каменноугольного периода. В дни первого периода голодания по закону «подлости и наивысшей пакости» шли проливные «ильинские» дожди и все звери попрятались. Заказанный вертолет с продуктами не мог пробиться по причине нелетной погоды. Все наши усилия добыть зверя не имели успеха. Однажды мы с Сергеичем поднялись на водораздел, где на звериной тропе устроили засаду и, уставшие от голода не заметно уснули, проснулись от топота убегающих снежных баранов. Очень раздосадованный я ему предложил забить необузданную, потому упитанную лошадь по кличке Пегас, на что получил отказ и предупреждение, что порча и уничтожение государственного имущества карается законом вплоть до тюрьмы. Его слова возмутили, и я в сердцах выпалил - «что за жизнь геологическая! В гробу был, с учебного полигона изгнан, не хватало с голоду протянуть ноги! Пусть заточение, хоть бесплатно живым вернусь на малую родину в тюрьму Мохсоголлоха». Впоследствии, когда некоторые «штатские» наезжали на меня, переиначив фразу, говорил - «дальше Колымы не пошлете, ниже горного инженер – геолога не понизите, а если посадите в тюрьму, буду только благодарен, по этапу бесплатно вернусь через десятилетия на свою малую родину Мохсоголлох». Выслушав меня мою тираду, Валерий Сергеевич долго хохотал и согласился с условием, что забивать, разделывать тушу и писать акт трагической гибели жирного Пегаса буду я. Я был согласен, мне деревенскому парню и охотнику это сделать не составляло большого труда. К счастью «Пегаса» и на радость отряда на завтра прилетел долгожданный борт, а на следующий день чуть не заказали очередной, но уже санитарный. После долгого недоедания нельзя много кушать, слава советским профсоюзам, снабжавшим полевые аптечки преимущественно пургеном, слабительными. В

конце августа мы обнаружили золото – сурьмяное рудопоявление. На следующий день весь участок был оконтурен и всем отрядом опробован штуфными и задирковыми пробами. Кварцевые жилы были напичканы минералом антимонит, развалы жил прослеживались вдоль склона, где не было воды. Оставив часть проб для вывоза лошадьми, два спарка пошли отдельными маршрутами по флангам участка, прослеживая минерализованные пласты. К вечеру у подножья горы мы с Сергеевичем завалили жирного оленя, быстро разделив, часть закопали под ягель, остальное к ночи принесли в лагерь. Тут же устроили настоящее пиршество за открытие рудопоявления и в честь «баяная», это был период второго голодания. К утру все, приняв позу орла, сидели вокруг палатки, далеко отойти было не успеть. Было неловко, сидели рядом не зависимо от пола и смешно от издаваемых звуков, при этом сильно смеяться было опасно, любая потуга могла обернуться очередным залпом. Потом до нас дошло, мы разделявали оленя не мытыми руками. С названием минерала антимонит связана история, похожая на быль. Якобы в одном монастыре настоятель заметил, что свиньи выкапывают из земли серые игольчатые минералы и поедают их. «Не от этого ли они упитанные, хотя и скудно питаются? – подумал он – а что, если их стереть и подмешать в пищу монахам?». Предприимчивый настоятель так и сделал, но стало от этого монахам так худо, что хоть святых выноси. Вот и вышло: - что полезно свиньям, то вредно монахам. Потому и назвали минерал антимонит. Название происходит от латинского «анти» - против, «мони» - монах. Название рудопоявлению «Баданга» дал начальник партии интеллигентный, с большим чувством юмора Николай Николаевич Пушкарь. Своим невозмутимым видом он мог покорить любого и заставить поверить его приколам и байкам, которые долго будоражили коллектив геологов. Однажды в конторе экспедиции он уговорил своего друга Баскарева Джана Серафимовича в очередной раз сыграть на спор. До этого он постоянно выигрывал, когда сбрасывали монету, где проигравший бегал за пивом. Зная это, Джан Серафимович долго не соглашался. Тогда Пушкарь предложил следующее, он бросает монету, и если монета встанет ребром, то Баскарев сгоняет в магазин. Окружающие конечно посчитали это большим перебором. Когда бросили монету, она долго катилась по полу пока не встала ребром в щели между половыми досками. После этого случая Баскарев, когда надо было сбегать в магазин, безропотно брал сумку, стал постоянным гонимым. Так вот, Николай Николаевич в свое время прочитал в журнале «Вокруг света» про испанцев – колонизаторов, где при встрече их аборигены кричали «баданга» и испанцы воспринимали это как приветствие. На самом деле оно оказалось словом в переводе на русский самое распространенное матерное, состоящее из трех букв. Это название невзирая ни на что закрепилось за рудопоявлением, что написано пером, не вырубишь топором. В начале сентября был вертолет, на котором улетели студенты Вера,

Вадим, Афоня и заболевшая геолог О.Н. Волохова. До этого начальник партии Пушкарь Н.Н. и Валерий Сергеевич настойчиво уговаривали меня остаться, перейти на заочное обучение. Честно признаться, я и сам подумывал об этом, но чувство встретиться с любимой победило. Я согласился остаться до конца сентября, с октября начинались учебные занятия. В конце сентября с рюкзаком набитой камнями для курсовой работы один преодолел 25 километров по левому склону реки Ньюкунья и вышел на Магаданскую трассу в районе Черного прижима. Ночевал в шоферской «Прижим», где жила семья автодорожников. По пути забрал посылку у дороги оставленный водителем полигона три месяца назад и добрался до базы, где меня встретили радист партии Гусенок Николай Степанович и его жена Люба. Ими приготовленной бане я впервые в жизни от души нахлестался веником кедрового стланика в настоящей полевой геологической бане, где после очередной парилки окунаешься в горную речку холодную до ломоты в зубах. По радиации доложил отряду о себе, собрал материалы для курсовой работы и через два дня доехал до экспедиции в Хандыгу, где получил окончательный расчет. Курсовую работу сдал на отлично В.И. Коростелеву. Кстати, его сын Сергей учащийся Хандыгской школы пошел по стопам отца геолога и преподавал в Якутском университете. Весной 1977 года пришел вызов с экспедиции. Я приехал в Хандыгу с намерением работать постоянно и меня приняли на должность техник – геолога в Элхугинскую партию АЮГРЭ. В последующие два года наша партия работала на территории междуречий Восточная Хандыга, Куранах и Саккырыр, от села Росомаха до реки Сеторым и от устья реки Куранах до Дыбинского перевала, водораздела реки Дыбы. В результате трехлетних работ была составлена геологическая карта масштаба 1:50000, изучено тектоническое строение района, расширены перспективы Водопаднинского золоторудного поля, обнаружены новые проявления золота, серебра, сурьмы и меди. На участках Длинный, Водопадный, Лазурный, Элхуга и Баданга проведены поисковые работы, прослежены и оконтурены участки, опробованы рудные тела. На наиболее перспективных рудопроявлениях Водопадный, Элхуга и Баданга были рекомендованы в дальнейшем провести детальные поиски.

Мой первый полевой сезон, как и все первое, незабываемо. Здесь узнал суть работы и профессию геолога, познал настоящие искренние человеческие взаимоотношения, подружился с одержимыми и мужественными людьми. Профессия геолога это работа увлеченных в науку геология и влюбленных в горы, в действенную природу. Мне понравилась моя будущая профессия – азарт поиска, радость удачного маршрута, познать новое и неизвестное, найти верных друзей, прелесть природы и красота величавых гор Верхоянья. И другое уяснил твердо, горы слабых не принимают, не будь обузой где трудно и опасно!

Университет по специальности горный инженер – геолог окончил заочно в 1980 году, затем в 1988 году окончил заочно Свердловский юридический институт. В родной экспедиции проработал 15 лет, из них 10 лет в полевых геологических партиях, остальные годы начальником отдела в управлении и заместителем начальника АЮГРЭ. Здесь встретил друзей на всю жизнь, здесь воспитали геологом и руководителем!

Шадрин И.С. Воспитанник АЮГРЭ. Первый заместитель главы Томпонского района. Март 1997года.